

Встречи с Марксом

ИЗ РАБОТЫ «ДВЕ ЖИЗНИ»

Мне пришлось познакомиться с автором «Капитала» в самый разгар этой полемики с бакунистами и Дюрингом. При первом же знакомстве Маркс подарил мне обе брошюры³⁴⁴. Из моих рук они перешли к профессору Зиберу и использованы были им в ряде статей частью в «Юридическом вестнике» и издававшемся мной впоследствии в Москве «Критическом Обозрении», частью в «Отечественных Записках»³⁴⁵. Моим знакомством с Марксом я обязан был человеку, спасшему жизнь его зятю Лонге, члену Парижской коммуны. Рекомендовавший меня был одним из двух авторов дневника, веденного во все продолжение восстания и озаглавленного: «Революция 18 марта»³⁴⁶. Несмотря на такую рекомендацию, Маркс отнесся ко мне на первых порах с большой подозрительностью: так сильно он был предубежден против русских со времени, как он выражался, измены Бакунина. Первые наши разговоры касались по преимуществу поведения его бывшего приятеля, которого он сам ввел в круги международной эмиграции Лондона и который одно время собирался быть переводчиком первого тома «Капитала» на русский язык. Эта задача, как известно, была выполнена впоследствии Николаем — оном*, при участии Германа Лопатина. В Лондоне в первую зиму мне пришлось быть у Маркса всего несколько раз. Он жил неподалеку от Regent's Park или, точнее, его продолжения, известного под названием Maitland Park, в полукруглом сквере (Crescent). Я помню еще номер его жилища — 41. Маркс занимал весь дом. В первом этаже помещалась его библиотека и гостиная. Здесь обыкновенно он и принимал своих знакомых. В это время две его старшие дочери** были уже

* — Н. Ф. Даниельсоном. Ред.

** — Женни и Лаура. Ред.

замужем. Одна вышла за члена Парижской коммуны Лонге, другая — за известного теперь писателя Поля Лафарга; младшая — Элеонора, которую дома звали Тусси, — увлекалась в это время театром, игрою Ирвинга в шекспировских пьесах и одно время думала посвятить себя сцене.

Я особенно сблизился с Марксом летом на водах в Карлсбаде. Мы почти ежедневно делали совместные прогулки по горам и настолько сошлись, что в письмах того времени, недавно обнародованных в журнале «Былое», он относит меня к числу своих «научных друзей» (scientific friends)³⁴⁷. Маркс работал в это время над вторым томом своего трактата *, намеревался отвести в нем значительное место порядку накопления капиталов в двух сравнительно новых странах — Америке и России, получал поэтому немало книг из Нью-Йорка и Москвы. Его можно было считать полиглотом. Он не только свободно говорил по-немецки, по-английски, по-французски, но мог читать на русском, итальянском, испанском и румынском языках. Читал он массу и нередко брал у меня книги, в том числе двухтомный трактат по истории земельной собственности в Испании и известное сочинение Моргана «Древнее общество»³⁴², привезенное мною из моего первого путешествия в Америку. Оно доставило материал для наделавшей шум брошюры Энгельса «О происхождении семьи» **.

Знать Маркса — значило быть также приглашаемым на воскресные вечера у Энгельса, нажившего значительное состояние в Манчестере, где у него была фабрика, и охотно принимавшего у себя и членов семьи Маркса, и посторонних посетителей, по преимуществу немцев. Сам Маркс допускал к себе посторонних людей с разбором. Многие из известных европейских писателей, в том числе Лавеле, тщетно выражали ему желание вступить с ним в личное знакомство. Он сторонился от них, жалуясь на нескромность газетных и журнальных интервьюеров, раз они являлись его идейными противниками. Из англичан он был в хороших, но все же далеких отношениях с некоторыми членами кружка позитиви-

* — «Капитала». Ред.

** Ф. Энгельс. «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Ред.

стов, в особенности с профессором Бизли, принимавшим в то время участие в издании демократической газеты «Bee-Hive» («Пчелиный улей»). Я встречал у Маркса также не раз известного английского социалиста Гайндмана, в то время еще бывшего в лагере ториев и весьма сочувственно относившегося к Дизраэли. Нельзя сказать, чтобы Маркс в это время хорошо был известен в английских литературных кругах. Его «Капитал» не был еще переведен на английский язык, и успех его ограничивался пока двумя странами — Германией и Россией. Появление первой части «Капитала» подало повод теперешнему профессору Петербургского университета Иллариону Игнатьевичу Кауфману написать весьма ученый и в общем сочувственный этюд в «Вестнике Европы»³⁴⁸. Впоследствии о «Капитале» Маркса писал немало и русский экономист Зибер, автор сочинения «Давид Рикардо и Карл Маркс»³⁴⁹. Но из всего написанного о «Капитале» в России Маркс всего более ценил статью Кауфмана. Русская экономическая и историческая литература интересовала его. В его сочинениях встречаются ссылки на «Железнодорожное хозяйство» А. И. Чупрова³⁵⁰. Одно из его писем ко мне посвящено оценке книги Кареева «Крестьянский вопрос во Франции XVIII в.»³⁵¹, а после кончины Маркса Энгельс показывал мне обширную тетрадь выписок из моей книги «Об общинном землевладении»³⁴². Маркс, долго работавший в библиотеке Британского музея и до некоторой степени надорвавший этой работой свое здоровье, привык к чтению официальных отчетов, подобных английским «Blue books»¹¹¹, и поэтому не прочь был получать из России казенные издания, касавшиеся железнодорожного хозяйства, хода кредитных операций и т. д. Николай — он * и я посылали ему, что могли, а его жена, очень озабоченная скорейшим окончанием всего сочинения, шутя грозила мне, что перестанет давать мне баранью котлетку (chop), если я своими присылками буду мешать ее мужу поставить давно ожидаемую точку. Маркс несколько раз переделывал второй и третий тома «Капитала». Он собирался закончить все сочинение «критической историей экономических

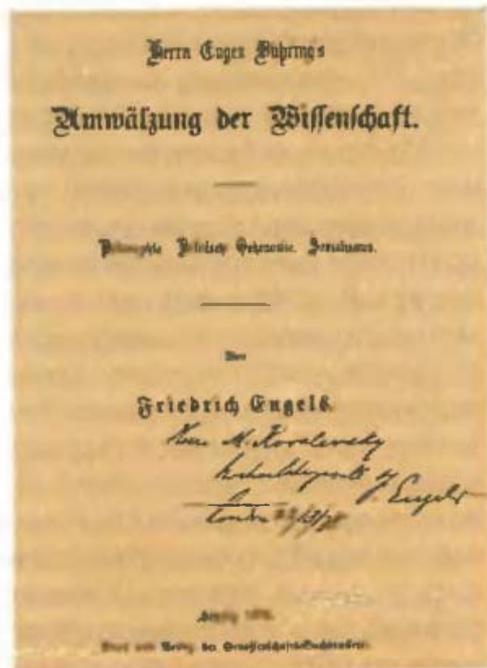
* — Н. Ф. Даниельсон. Ред.

Титульный лист книги
Ф. Энгельса «Анти-Дюринг»
с дарственной надписью автора
М. Ковалевскому

доктрин», но эта часть его намерений так и осталась невыполненной³⁵².

Будничные дни Маркса уходили на работу. Он отводил сравнительно небольшое число часов на корреспонденции в нью-йоркскую газету «Tribune»*. Остальное время он сидел дома за пересмотром и исправлением уже написанных частей своего сочинения. Его библиотека, помещавшаяся в комнате в три окна, была составлена исключительно из рабочих книг, которые нередко в большом беспорядке разбросаны были на письменном столе и креслах.

Иногда мне приходилось заставлять его за работой, и Маркс до такой степени был погружен в нее, что ему не сразу удавалось перейти на разговор о чем-то другом от предмета, непосредственно овладевшего его вниманием. В воскресенье он любил гулять в парке с семьей, но и во время этих прогулок темой для разговоров служили нередко вопросы, весьма отдаленные от действительности. Это не значит, однако, чтобы он не увлекался политикой. По целым часам он сидел за чтением газет, и не только английских, но всего мира. Я однажды за-

* — «New-York Daily Tribune». Здесь ошибка. Маркс перестал сотрудничать в этой газете в 1862 г. Ред.

стал его за чтением «Romanul» и имел возможность убедиться в том, что он вполне свободно справляется с мало кому доступным румынским языком. За все время моего знакомства с ним он только однажды отличился из Лондона и уехал на несколько недель в Карлсбад. Его пропустили через Германию только под условием не оставаться в ней более нужного для проезда числа дней. Въезд в Париж оставался для Маркса запретным со времени министерства Гизо³⁴¹. Тьер и Мак-Магон едва ли охотно открыли бы ему доступ во Францию после выхода в свет его «Гражданской войны»¹⁵³, попытки защитить Коммуну, только что подавленную в крови версальским правительством.

Что всего более поражало в Марксе — это его страстное отношение ко всем вопросам политики. Оно мало мирилось с тем спокойным объективным методом, который он рекомендовал своим последователям и который для всех явлений должен был отыскивать экономические предпосылки. Если мы возьмем такие вопросы, как вопрос польской независимости, то не удивительным ли покажется найти в Марксе ее энергического поборника, совершенно не считавшегося с обычными заявлениями, что польский вопрос — будто бы вопрос о поддержании социальной розни панов и шляхты, с одной стороны, и разноплеменного с ними простонародья — с другой. Отношение Маркса к России, несмотря на увлечение русской молодежи его сочинением и на то обстоятельство, что, за исключением Германии, он нигде при жизни не пользовался таким успехом, как в нашей среде, ничем существенно не отличалось от тех предубеждений, какие питали к ней революционеры 48 г., видевшие в России оплот всякой реакции и гасителя демократических и либеральных вспышек. Маркс сам не прочь был сознаться, что его до некоторой степени поражает то признание, какое он встречает в среде моих соотечественников. П. Берлин приводит следующий интересный отрывок из его переписки с Кугельманом³⁵³. В октябре 1868 г. Маркс пишет своему другу: «Ирония судьбы такова, что русские, против которых я уже двадцать пять лет выступал не только на немецком, но и на французском и английском языках, всегда были моими доброжелателями. В 1843—44 гг. в Париже русские аристократы носили меня на

руках. Мое сочинение против Прудона, то есть «Нищета философии», вышедшее в 47 г., как и изданная Дункером «Критика политической экономии» от 59 г., не нашли нигде большего сбыта, чем в России. Первая иностранная нация, переведшая «Капитал», — русская. Все это, впрочем, нельзя ценить слишком высоко», — продолжает Маркс и объясняет затем свой успех в России следующим соображением: «Русская аристократия в юности воспитывается в немецких университетах и в Париже. Она всегда гонится за тем, что Запад представляет самого крайнего. Это для нее простая гастрономия, та самая гастрономия, какой занималась часть французской аристократии в XVIII веке». Новый биограф Маркса * справедливо замечает, что автор «Капитала» имел, однако, возможность убедиться в том, что его мысли встречали сочувствие и серьезный интерес далеко не в одних высших слоях русского общества. В 1867 г. Маркс получил из Петербурга от некоего Иосифа Дицгена, мастера Владимирской фабрики кожевенных изделий, письмо следующего содержания: «Вашу первую книгу, «Критику политической экономии», я в свое время проштудировал весьма прилежно и признаюсь, что ни одно сочинение не дало мне так много новых положительных знаний и такого ясного понимания предмета». Первый том «Капитала» возбудил в Дицгене совершенный энтузиазм. «Вы помогли нам, — пишет он, — проникнуться сознанием, что производство носит стихийный характер. Предпосылку вашей глубоко обоснованной политической экономии составляет глубоко обоснованная философия»³⁵⁴. Из писем Николая — она и из статей Кауфмана и Зибера Маркс мог убедиться, что молодые экономисты в России с увлечением относятся к его взглядам и готовы следовать ему в критике господствующей экономической доктрины. Отрадное впечатление, получаемое им из России, должно было еще усилиться от сопоставления с тем систематическим игнорированием его работы, в каком повинны были до последнего времени английские экономисты. В моем присутствии Гайндман сообщил Марксу следующий факт. Вслед за популярной лекцией известного английского экономиста Леви о «гармонии интересов» назна-

* — П. А. Берлин. Ред.

чено было собеседование; на нем Гайндман решился высказать сомнение, чтобы интересы всех классов общества были согласованы между собой, находились в гармонии. В подтверждение своего скептицизма он сослался на «Капитал» Маркса. «Я не знаю такого сочинения»,— последовал ответ Леви... «Капитал» Маркса переведен был на английский язык только после смерти автора³⁵⁵ и лишь в слабой степени проник в среду английских экономистов. Я не встретил ссылок на него в сочинении наиболее авторитетного из них, Маршалла, тогда как, наоборот, с Марксом считается такой, например, выдающийся писатель-экономист, как Адольф Вагнер, постоянно выступающий с критикой отдельных взглядов «Капитала».

В те годы, когда я посещал воскресные собрания в доме № 41, Maitland Park Crescent, или встречался с Марксом у Энгельса, автор «Капитала» вел, в общем, замкнутую жизнь. Она всецело уходила на научную работу, задачи которой Маркс понимал весьма широко. Ему сплошь и рядом приходилось посвящать недели и месяцы чтению сочинений по экономической истории, в частности по истории землевладения, которые имели лишь косвенное отношение к его главной теме. Он возобновил также занятия математикой, дифференциальными и интегральными вычислениями для того, чтобы сознательно отнестись к только что возникавшему тогда математическому направлению в политической экономии, во главе которого мы находим ныне таких ученых, как Эджворс, и каким во времена Маркса являлся уже Джевонс. Начитанность автора «Капитала» в экономической литературе, в частности в английской, была громадна; но ее нельзя сравнить с той «Belesenheit»*, какой блещут немецкие профессора, и в числе их Рошер, эта «bête poire»** автора «Капитала», не раз снабжавшего свое сочинение примечаниями вроде следующего: «Г-н Рошер поспешил поддержать своим авторитетом приведенную банальность». В своих отдаленных предшественниках Маркс умел найти жизненные, допускающие дальнейшее развитие начала. Если за последнее

* — начитанностью. *Ред.*

** — буквально «черный зверь», в переносном смысле — предмет неприязни. *Ред.*

время экономисты заинтересовались «Политической арифметикой»³⁵⁶ и другими сочинениями Уильяма Петти, современника Карла II Стюарта, если мы получили не только новое собрание его сочинений, но и ряд мемуаров о Петти и притом почти на всех языках образованного мира, то этим мы в значительной степени обязаны Марксу. Знакомство с историей экономических доктрин позволяло автору «Капитала» сразу определять степень оригинальности писателей, умевших привлечь к себе общественное внимание бьющей в глаза формой своих произведений. Говоря это, я имею, в частности, в виду Джорджа, увлечение которым одно время приняло в Англии размеры, довольно близкие к тем, в каких сказались в XVIII в. увлечение личностью и доктринами Руссо. Маркс едва ли не первый заметил, что в учении автора «Прогресса и бедности» повторяются воззрения физиократов на земледелие³⁵⁷, как на единственный источник чистого дохода, и на единый земельный налог, как долженствующий поглотить в пользу государства большую часть ренты. В бумагах Маркса найдена была критическая статья, направленная против Джорджа и доказывающая односторонность и неприемлемость его выводов. Она появилась в печати уже после смерти Маркса³⁵⁸.

Большинство имеет неверное представление о психологии человека, который проповедовал классовую борьбу, как единственное средство для рабочих достигнуть общественной справедливости — той «social justice», о которой напоминал англичанам XVIII в. пользовавшийся сочувствием Маркса Годвин.

Обыкновенно рисуют себе Маркса мрачным и высокомерным отрицателем буржуазной науки и буржуазной культуры. На самом же деле это был в высшей степени воспитанный англо-немецкий джентльмен, вынесший из тесного общения с Гейне веселость, связанную со способностью к остроумной сатире, человек жизнерадостный благодаря тому, что личные его условия сложились как нельзя более благоприятно. Маркс в большей степени, чем кто-либо из людей, с какими мне приходилось встречаться в моей жизни, не исключая даже Тургенева, имел право говорить о себе как об однолюбце. В ранней молодости он встретился с девушкой из высшего круга, фрейлейн фон Вестфален, и влю-

бился в нее, как можно только влюбляться в студенческие годы. Семья Вестфален была шотландского происхождения и в родстве с герцогами Аргайл. Это обстоятельство однажды едва не сыграло Марксу дурной шутки. В минуту безденежья в Париже он решил заложить в местном ломбарде фамильное серебро, полученное им в приданое за женой. На этом серебре нашли герб Аргайлей и задержали Маркса, как присвоившего себе чужое достояние. Я слышал этот рассказ от самого Маркса, который сопровождал его громким и добродушным смехом. Женни Вестфален была в детстве товарищем по играм мальчика Карла. На четыре года она была старше его. Здоровая, веселая, красивая. «Самая красивая из девушек Трира», как ее называли, она уже подростком сделалась царицей балов. Маркс не успел еще окончить гимназии, как влюбился в подругу своих детских игр. Уезжая в университет, он тайно обручился со своей невестой. Старик Вестфален, как рассказывал мне Маркс, принадлежал к числу людей, увлеченных доктриной Сен-Симона, и один из первых заговорил о ней с будущим автором «Капитала». Судьба разметала его детей в разные стороны: одного сделала членом прусского реакционного министерства *, другого — борцом за свободу негров в междоусобной войне северных и южных штатов Америки **. В своих воспоминаниях об отце младшая дочь Маркса — та, которую мы попросту звали Тусси, — сообщает, между прочим, следующее: «В течение всей своей жизни Маркс, который из Берлина прислал три толстые тетради своих стихотворений любимой им девушке, был буквально влюблен в свою жену». «Передо мной лежит, — пишет Элеонора Маркс в статье, напечатанной в «Neue Zeit» в 1897 г., — любовное письмо отца. По страстному юношескому огню, с которым оно написано, можно было бы думать, что автор его восемнадцатилетний юноша. Но оно отправлено было Марксом не ранее как в 1856 г., когда любимая им Женни родила ему уже шестерых детей» ³⁵⁹. Ближайший в то время друг Маркса, Бруно Бауэр, говоря о его невесте, пишет ему: «Она способна

* — Фердинанда фон Вестфален. *Ред.*

** — Эдгара фон Вестфален. *Ред.*

перенести с тобою все, что только может случиться»³⁶⁰. Эти слова были пророческими. Маркс, никогда не располагавший значительным достатком, нередко испытывал нужду, но Женни с философским и в то же время веселым равнодушием относилась к этим превратностям судьбы, озабоченная только одним, чтобы ее «дорогой Карл» не уделял слишком много времени на приобретение средств к жизни. Редко кто принимал так радушно в своей скромной обстановке, как жена Маркса, и редко кто умел более сохранить в своей простоте приемы поведения и внешний облик того, что французы называют «une grande dame» *. Маркс и с седой бородой любил начинать Новый год танцем со своей женой или с приятельницей Энгельса. Я сам однажды присутствовал при том, как он весьма ловко прошелся со своими дамами под музыку в торжественном марше. Когда эти воспоминания встают в моей памяти, я решительно отказываюсь примирить с ними то, что говорил мне о Марксе известный географ Элизе Реклю, друг и ученик Бакунина и Кропоткина, а потому лишенный необходимой объективности при оценке принципиального противника. По словам Реклю, Маркс, принимая членов международного общества рабочих **, в том числе и самого Реклю, не выходил из задней части своей гостиной и держался поблизости к бюсту Зевса олимпийского, которым эта гостиная была украшена, как бы подчеркивая тем свою принадлежность к числу великих типов человечества. Такая ходульность совершенно несогласна с представлением о человеке, который настолько знал себе цену, что не видел надобности подчеркивать свое значение внешними приемами. Приходит мне на ум еще один семейный обед у Марксов. Они принимали прибывшую из Капской земли сестру Карла *** с двумя ее сыновьями ****. Сестра никак не могла помириться с тем, что ее брат — вожак социалистов, и настаивала передо мной на той мысли, что оба они принадлежат к уважаемой в Трире семье пользовавшегося всеобщим

* — «знатной дамой». Ред.

** — Международного Товарищества Рабочих. Ред.

*** — Луизу Юта. Ред.

**** — Генри и Чарлзом Юта. Ред.

сочувствием адвоката. Маркс дурачился и заливался юношеским смехом. С мнимым величием Маркса не связывалась также готовность прийти запросто пообедать, нередко под условием, чтобы одновременно с ним не был приглашен его слишком болтливый зять *. Не прочь был Маркс пойти со знакомыми в театр, послушать Сальвини в роли Гамлета или несравненно более ценимого им Ирвинга. Помню я также, как мы заседали с Марксом вместе в Aegyptian Hall, задетые оба за живое точным воспроизведением всех фокусов спиритов человеком, заявлявшим, что он был в их среде, повторяет то, чему научился, но не настолько прост, чтобы объяснить публике, как он это делает, так как в противном случае перестанут бывать на его представлениях.

Дея свои привязанности между семьями своих двух замужних дочерей ** и старым другом Энгельсом, платившим ему более чем взаимностью, Маркс посвящал им весь свой досуг. Круглый день он занят был серьезным, всецело захватившим его научным трудом, и все же находил время с жаром отзывать на все вопросы, так или иначе задевавшие интересы рабочей партии вообще и немецкой социал-демократии в частности. Из ее вожаков он более других ценил Бебеля, в меньшей степени — Либкнехта. Он не раз жаловался на то, что последний испорчен Лассалем, и прибавлял, шутя и сердясь: трудно ввести свежую мысль в голову немецкого приват-доцента (таким именно приват-доцентом, по словам Маркса, и был Либкнехт). С какой страстностью Маркс относился и в пожилом возрасте ко всяким попыткам остановить нормальные успехи рабочей партии в связи с общим развитием страны, об этом можно судить по следующему факту. Я случайно находился в его библиотеке в ту самую минуту, когда до Маркса дошло известие о неудавшемся покушении Нобилинга на престарелого императора Вильгельма. Маркс отозвался на это известие словами проклятия по адресу неудачного террориста и тут же объяснил, что от его преступной попытки ускорить ход событий можно ждать только од-

* — очевидно, Поль Лафарг. Ред.

** — Женни Лонге и Лауры Лафарг. Ред.

ного — новых преследований против социалистов. К сожалению, исполнение пророчества не заставило себя ждать: Бисмарком изданы были известные законы, значительно затормозившие успешное развитие немецкой социал-демократии ¹⁵⁰.

Поступление мое профессором в Московский университет положило конец моему двухгодичному, почти еженедельному обмену мыслями с автором «Капитала». Мы первое время изредка продолжали писать друг другу. При посещении летом Лондона я возобновлял мои визиты, обыкновенно по воскресеньям, вынося каждый раз из наших свиданий новый стимул к научным работам в области истории экономического и общественного развития европейского Запада. Очень вероятно, что без знакомства с Марксом я бы не занялся ни историей землевладения, ни экономическим ростом Европы и сосредоточил бы свое внимание в большей степени на ходе развития политических учреждений, тем более, что такие темы прямо отвечали преподаваемому мной предмету. Маркс ознакомился с моими работами и откровенно высказывал о них свое суждение. Если я приостановил печатание моего первого большого сочинения об административной юстиции во Франции и, в частности, о юрисдикции налогов в ней ³⁶¹, то отчасти под влиянием отрицательного отзыва, какой дан был мне о моем труде Марксом. Он более одобрительно относился к попытке раскрыть прошлое земельной общины или изложить ход развития семейных порядков с древнейших времен на основании данных сравнительной этнографии и сравнительной истории права. Научная критика также весьма интересовала его; он был в числе внимательных читателей издаваемого мною одно время «Критического Обозрения», быть может, единственным в Англии. Годы, проведенные мною в Италии, Испании, а затем в Америке, — последние годы жизни Маркса. По возвращении в Европу, я узнал о двойном его горе: о смерти жены и старшей дочери. Я слышал также, что по причине расстроенного здоровья Маркс принужден был провести целую зиму в Алжире. Еще в те годы, когда я почти еженедельно бывал у него, он жаловался на боль в груди. Но так как его телосложение не отвечало представлению о человеке, страдающем чахоткой, все его близкие объясняли эти жалобы его мнимой мнительностью.

Оказалось, однако, что Маркс надорвал свое здоровье неумеренной работой в библиотеке Британского музея. Зима, проведенная им на юге, была ненастной. Маркс простудился и вернулся в Лондон еще более больным, чем прежде. Энгельс рассказывал мне о последних днях его жизни. И этот рассказ довольно близок к тому описанию, какое мы находим у его русского биографа³⁵³, так как оно, в конце концов, заимствовано из писем того же Энгельса к его другу Зорге. Жена Маркса скончалась в декабре 1881 года. Год спустя умерла старшая дочь Маркса, госпожа Лонге. Маркс тщетно искал забвения в усиленной работе над окончанием своего «Капитала». Здоровье его все более и более ухудшалось. В промежуток между двумя смертями он принужден был уехать на юг. Вернувшись больной, он вскоре поражен был известием о кончине дочери. Этого нового удара он не в состоянии был вынести. 14 марта 1883 г. на 65-м * году жизни Маркс умер за своим рабочим столом. «Быть может, докторское искусство, — пишет Энгельс, — и могло бы обеспечить Марксу еще несколько лет растительной жизни, но такого существования Маркс не вынес бы. Жить при сознании невозможности закончить работы — несравненно тяжелее, чем без особых мучений переселиться в вечность»³⁶².

Мои воспоминания о Марксе относятся к эпохе, следовавшей уже за выходом его наиболее полного и законченного труда: первой части «Капитала». Маркс вступил уже в это время в седьмой десяток, но сохранял еще всю свою бодрость и жизнерадостность. Анненков знал его за год до революции 1848 г., следовательно, молодым человеком, на 31-м году жизни. Интересно сравнить с моими впечатлениями те, какие наш известный писатель вынес из своей встречи с Марксом в Брюсселе. По словам Анненкова, будущий автор «Капитала» представлял из себя человека, сложенного из энергии, воли и несокрушимых убеждений. «Он был замечателен и по внешности. С густой черной шапкой волос на голове, с волосистыми руками, в пальто, застегнутом наискось, он имел вид человека, требующего признания и имеющего право на него. Все его движения были смелы и самонадеянны, все приемы обращения горды и

* У Ковалевского: на 67-м. Ред.

презрительны. Резкий голос, звучащий, как металл, удивительно шел к радикальным приговорам, им произносимым. Над его безапелляционными суждениями царила резкая до боли нота уверенности в своем призвании управлять людьми, вести их за собой... Контраст с недавно покинутыми мною на Руси типами был самый решительный»³⁶³.

В моем воображении Маркс выступает с менее резкими чертами. Демагог примирился в его лице с общественным философом, с одним из тех мудрецов, которые думают, что они нашли ключ к пониманию столько же прошлого, сколько и настоящего. Этим ключом для Маркса было в мое время учение о прибавочной стоимости труда — стоимости, поступающей в руки капиталиста-предпринимателя. После выхода уже второго и третьего томов «Капитала», из которых оказывается, что Маркс примирял свою теорию прибавочной стоимости с теорией рыночной цены, определяемой спросом и предложением, его последователи стали в большей мере подчеркивать его исторический материализм, освещение им всех событий прошлого и настоящего изменениями в технике производства и обусловленными ими переменами в экономическом укладе и политической надстройке общества. Из бесед с Марксом нетрудно было вынести убеждение, что фундаментом его экономических и исторических доктрин была философия Гегеля. Он однажды сказал мне в упор, что логически можно мыслить только по диалектическому методу, ну а нелогически — хотя бы и по позитивному. Дидактический тон, какой нередко принимал Маркс и который свидетельствовал о его самоуверенности, вытекал, по-моему, из убеждения в неоспоримости того приема мышления, какой был дан ему гегелевской философией в толковании ее радикальных последователей, в их числе знаменитого Фейербаха. То, что многим казалось в Марксе отталкивающей несдержанностью и угловатостью, имело источником эту уверенность. Первая встреча Маркса с Энгельсом едва не повела к разрыву. Маркс был таким же упорным гегельянцем, каким Энгельс в то время — ортодоксальным последователем Шеллинга³³⁹. Обе системы были непримиримы, и будущие друзья, сошедшиеся в конце концов в культе Гегеля, одно время разошлись как враги. То, что

французы называют *cassant* *, выступало в обращении Маркса даже в меньшей степени, чем у другого последователя гегелевской философии — русского мыслителя Чичерина. Презрительное отношение обоих друг к другу обуславливалось тем, что каждый обвинял противника в неправильном понимании диалектического метода и связывал с этим непрочность полученных им результатов, тогда как в действительности источником разномыслия были субъективные пристрастия: одного — к коммунистическому строю (я разумею Карла Маркса), а другого — к индивидуалистическому, сильно окрашенному, впрочем, государственностью. Нетерпимые в основных вопросах жизни и духа, оба — и Маркс в большей степени, чем Чичерин, — были покладисты в своих личных сношениях. За два года моего довольно близкого общения с автором «Капитала» я не припомню ничего, хотя бы издали напоминающего то третирование старшим младшего, какое я в равной степени испытывал в моих случайных встречах и с Чичериным, и с Львом Толстым. Карл Маркс в большей степени был европейцем и хотя, может быть, не высоко ценил своих «друзей только по науке» (*scientific friends*), предпочитая им товарищей в классово-борьбе пролетариата, но в то же время был настолько благовоспитан, чтобы не проявлять этих личных пристрастий в своем поведении. На расстоянии двадцати пяти лет я продолжаю сохранять о нем благодарную память, как о дорогом учителе, общение с которым определило до некоторой степени направление моей научной деятельности. С этим представлением связано и другое, а именно то, что в его лице я имел счастье встретиться с одним из тех умственных и нравственных вождей человечества, которые по праву могут считаться его великими типами, так как в свое время являются самыми крупными выразителями прогрессивных течений общественности.

Спенсер и Маркс до некоторой степени могут считаться по отношению друг к другу антиподами. Один стоял на страже индивидуальности, другой поднимал голос в защиту прав трудящихся масс. Оба были наиболее последовательными и резкими выразителями тех двух направлений, гармоническое сочетание которых

* — высокомерный. Ред.

одно может обеспечить, в моих глазах, счастливое развитие человечества. Индивид не может быть принесен в жертву государству и даже международному союзу, как не мог и не может он стушеваться перед семьей, родом, сословием или классом. Но его деятельность в то же время должна быть координирована с деятельностью других равных ему единиц, и их совокупные усилия должны быть направлены к обеспечению общего благополучия. Ни о Спенсере, ни о Марксе нельзя сказать, чтобы они относились равнодушно к этой последней цели, но каждый думал служить ей по-своему: один — настаивал, быть может чрезмерно, на автономии личности, другой — доводя общественную солидарность до тех пределов, при которых индивид становится бессознательным орудием процесса производства, действующего с какой-то стихийной силой. Оба видели истину, но, может быть, не всю. Оба сделали все от них зависящее, чтобы передать, что знали, своим современникам. А тот, кто жил для лучших людей своего времени, тот, по словам Гёте, жил для всех времен. Спенсер и Маркс, так сильно расходившиеся друг с другом при жизни, после смерти стали, по указанной причине, предметом общего культа со стороны прогрессирующего человечества, во многом обязанного им своим поступательным ходом.

Впервые опубликовано в журнале
«Вестник Европы», СПб.,
1909, июль, кн. 7

Печатается с сокращениями
по тексту книги: Русские
современники о К. Марксе
и Ф. Энгельсе. М., 1969